

Портреты наших вождей
(пьеса в двух действиях)

*Велик был год и страшен год
по Рождестве Христовом 1918,
от начала же революции второй.*
М. Булгаков, «Белая гвардия»

Действующие лица:

СТАРИК, 60 лет

МИХАИЛ, его сын, за 30

ЛИДКА, его дочь, 25 лет

ЛИЯ, его дочь, 25 лет } сёстры-погодки

ЕГОРОВНА, соседка, за 50

ЛЁНЬКА, её сын, 27 лет

ЗОТОВА, председатель участковой избирательной комиссии

ЛЕНКА, член участковой избирательной комиссии

НИКОЛАЙ, участковый

А также ИВАН и ЕГОР, внуки старика, мальчики трёх и двух лет, бригада железнодорожников.

ДЕЙСТВИЕ 1

Март выдался холодный. Ветер не утихал ни на день, ни на час. Позёмкой замело все дороги и тропки в округе. Ходить – за дровами ли, за водой ли – по жёсткому насту было худо. Детей на улицу не отпускали вовсе – боялись простуд, ангина и прочих напастей. Да и сами без особой надобности из дома старались не выходить. Сидели по разным углам, слушали, как завывает ветер в печной трубе, как с грохотом несутся мимо – на запад и на восток – проходящие поезда.

Дом, построенный ещё во время войны на этой маленькой, Богом забытой станции, у которой даже названия нет, лишь номер – 832-й километр, пока стоит, крепко стоит на земле. От проходящих товарняков и скорых пассажирских по всему дому разливается тихий звон – идёт мимо состав, и на кухне едва слышно начинают звенеть кружки, рюмки, ножи да вилки в пол-литровой банке, дребезжат стёкла в окнах и в фоторамках, что висят в большой комнате.

Портретов в потемневших и растрескавшихся от времени рамках тут немало – здесь и усатый Отец народов, и тот, что был до него – в кепке, и тот, что был уже после – с орденами и медалями на груди. Тут же висят в старинных окладах Богоматерь и Николай Чудотворец, а между ними – портрет Президента, вырезанный по случаю из газеты и наклеенный на кусок картона. Вожди и святые расположились рядом между двух окон. Встречают каждого, кто заходит в дом. Смотрят. Молчат.

Здесь же, в простенке, доживает свой век старый высокий комод. А на нём, особняком от прочих, вот уже третий день, с самой пятницы, стоит портрет матери – фотография в траурной рамке. Рядом, как водится, гранёный стакан с водкой, накрытый куском чёрного хлеба.

КАРТИНА 1.

В комнате работает телевизор. Иван с Егоркой смотрят «Тома и Джерри» – воскресным утром на каждом канале мульты показывают. Иногда хватаются за игрушки, отбирают друг у друга, потом снова смотрят на экран, о чём-то лопочут между собой – не разобрать: малы ещё. Старик сидит на табурете возле окна, подшивает валенки. Лия с Егоровной стряпают на кухне. О чём-то негромко перешёптываются. С улицы пришла Лидка – дров принесла, с грохотом скинула возле печи. Не раздеваясь, села на скамью.

ЛИДКА. Чёрт! Чёрт!

Старик громко вздыхает.

ЛИДКА. Чего вздыхаешь? Ну, чего ты вздыхаешь? Надо же что-то делать уже!

ЕГОРОВНА (*выходит в комнату, вытирает руки о полотенце*). Не ори! Смотрите, как разоралась. Чего теперь делать-то? Ждать надо. Вот и ждём.

ЛИДКА. Да ведь третий день уже! Воскресенье уже! А она в пятницу ещё! Надо ведь как-то закапывать уже.

ЛИЯ. Скоро придёт.

ЛИДКА. Придёт! Кабы тебе! Чёрт! Чёрт! Могила ещё не копана, а уж давно пора! Время уже!

ЕГОРОВНА. Мало ли, кому куда пора. Без бумаги ведь не закопаешь.

СТАРИК. Так-то оно, пожалуй, и так, да всё же вот...

ЛИДКА. Чёрт бы его побрал, чёрт бы их всех побрал!

ЛИЯ (*Егоровне, тихо*). Чо орать? Вот чо она орёт? Тут хоть заорись, хоть заревись.

ЛИДКА. Тебя ещё не спросила! Тебя не спросила! Молчала бы уж!

ЛИЯ. Я и молчу. Ты же всё угомониться не можешь.

ЛИДКА. У тебя мать в гробу лежит, а ты меня жить учишь?!

ЕГОРОВНА. Ну, разошлась! На, выпей рюмочку, полегчает.

ЛИДКА. Допилась уже одна.

ЛИЯ. Не надо, Лид, ну чего ты...

ЛИДКА. А вот то! То! Сначала рожала, потом бухала, а теперь вот померла. Нормально это, нет? Все люди, как люди, только мы тут... Толку нет ни похоронить, ни пожить нормально. У меня даже туфель нормальных нет, всё калоши да валенки. Вот можно так жить, а?

СТАРИК. Ух-тюх-тюх-тюх, разгорелся наш утюх...

ЕГОРОВНА. Нет, вы гляньте на неё! У неё покойник в доме, а она – туфли, валенки... Конфетки-бараночки её подавай.

ЛИДКА. Мне что, теперь и самой помирать прикажешь? А я не собираюсь! Я пожить хочу! Я, может, личную жизнь хочу!

ЕГОРОВНА. Вон, вся твоя личная жизнь перед телевизором сидит, в носу ковыряется.

ЛИДКА. Ты меня моей личной жизнью-то не попрекай! Сама как-нибудь разберусь. Вот мать похороним, вещички соберу и в город уеду. Ни дня тут не останусь.

ЛИЯ. Да ты чего? Совсем озверела? Куда ты поедешь? Никуда ты не поедешь. Огород копать скоро, лето на носу.

СТАРИК. Моркву садить.

ЛИДКА. Да идите вы, знаете куда... Вместе со своим огородом.

ЕГОРОВНА. А жрать-то ты в городе чего будешь? Лапу сосать?

ЛИДКА. Что надо, то и буду сосать, лишь бы от вас подальше.

СТАРИК. Моркву посадим.

ЛИЯ. Картошка вон вся проросла, перебирать пора.

ЕГОРОВА. А у меня вся пропала – подпол ещё по осени залило. Я бы купила пару мешков. На посадку надо, да и так – сколь чо на обед-ужин сварить. Нет у вас лишку? Поди, сторгуемся?

ЛИЯ. У нас лук гниёт. Мошка полетела. Только надьсь на полати переложила.

ЛИДКА (*смотрит на портрет матери*). Лук, картошка. Да пропади оно всё! А вот цветы теперь садить некому.

ЛИЯ. Цветами сыт не будешь. Только возни с ними.

СТАРИК. Моркву посадим.

ЕГОРОВА. Вот заладил – моркву, моркву! Ты мне, Лид, лучше вот что скажи. У матери ведь, кажись, машинка швейная была.

ЛИДКА. Ну.

ЕГОРОВА. Баранки гну! Вам она теперь всё равно без надобности... Ну, я и подумала...

Стук в дверь.

ЛИДКА. Слава Богу! Ну, наконец-то!

ЕГОРОВА. Дак что на счёт машинки?

ЛИДКА. Да отвязись, а! Слышишь – пришли! (*Орёт.*) Открыто!

За дверью какое-то копошение.

ЕГОРОВА. Да заходите ужо!

Лидка рывком открывает дверь, выглядывает. Ойкает. Пятится. Следом за ней входит Михаил. Он в телогрейке. В руках – вещмешок. Молча садится на скамью у двери. Дети начинают канючить. Старик – охать и вздыхать. Лия закрыла рот ладошкой, всхлипывает.

ЛИДКА. Миша. Мишка пришёл.

Оглядывается на своих.

ЕГОРОВА (*Лие*). Да тише! Тише ты! Кто-нибудь уже выключит, наконец, телевизор!

ЛИДКА. Мишка! Мишка. Мишка...

Начинает реветь. И всё повторяет: «Мишка, Мишка, Мишка».

МИШКА. Да вы чего все? Вы чего?!

СТАРИК. Да мы-то, вроде, как ничего, только вот тут... того-этого... маленько не... чуть-чуть ужо... кабы знала, поди-ка и не... а тут – на тебе. Пришёл.

ЕГОРОВА. На-ко выпей, выпей, Михайло! Оно ничего, оно всяко бывает.

МИШКА. Чего – пей? Чего бывает? Вы тут чего все? Мать-то где?

Тишина. Все смотрят на Михаила. Окна в комнате начинают тоненько так звенеть – где-то вдали идёт поезд. Дребезжат вилки-ложки на кухне. Звон всё нарастает. И вот уже вслед за Лией и Лидой тихо-тихо всхлипывает старик. Через мгновение всё семейство принимается рыдать. Плачут дети. Воют сёстры. Ревёт старик. Причитает соседка. Мимо дома с грохотом проносится товарняк. Перестук колёс заглушает голоса. И уже не слышно ничего – только мерный, всё нарастающий стук колёс. Машинист, пролетая мимо станции, подаёт противный, протяжный гудок.

КАРТИНА 2.

Спальня, где ещё недавно спали Старик с женой. У стены кровать, аккуратно заправленная. Поверх одеяла старомодное покрывало. Подушки составлены одна на другую, сверху – кружевная накидка. На окнах – белые тюлевые занавески, горшки с геранью, алоэ, фиалками. У окна – стол со швейной машиной. Михаил шьёт рукавицы. Мерно крутится колесо, исправно работает истосковавшийся по человеческим рукам механизм. На кровати сидит Лия.

ЛИЯ. Мог бы, между прочим, приехать. Не захотел. У меня, говорит, тёща болеет. Тут мать родная, а там тёща какая-то.

МИХАИЛ. Его дело.

ЛИЯ. Скажешь тоже! Ты вон – и то приехал. Где ты был – и где он!

МИХАИЛ. Я не знал.

ЛИЯ. Тем более! А ему сразу телеграмму отправили. И ему, и Гале. Куда там! У одного тёща, у другой – работа. Какая может быть работа, когда мать померла? Нет, ну вот ты скажи, как ты это понимаешь. Можно так делать, нет?

МИХАИЛ. Их дело.

ЛИЯ. Значит, им всё можно, по-твоему? Что хочу, то и ворочу. Если старшие, то с них и спроса нет?

МИХАИЛ. Чего им сюда?

ЛИЯ. Мать хоронить!

МИХАИЛ. Сами похороним.

ЛИЯ. Ага, похороним! У тебя всё прямо так вот, запросто. Участковый третий день не идёт. Бумаг нет. На кладбище не проехать. Морг не работает. Гроб в сарае. А там крысы бегают. Вот такие! Лидка сама видела! Их там кишмя. А она там совсем одна. Да и вообще.

МИХАИЛ. Как-нибудь.

ЛИЯ. Вот именно – как-нибудь. А надо по-людски, по-божески, а не так, чтобы гроб в сарае! Это вожди только по сто лет могут так лежать, непохороненными-то, а тут живой человек! То есть не живой уже, ну, ты понял об, чём я. Ведь надо же, ну, чтобы всё было как надо, понимаешь?

МИХАИЛ. Видно будет. Как выйдет, так выйдет. Нечего вперед паровоза бежать. Ты бы мне валенки какие достала.

ЛИЯ. На кой?

МИХАИЛ. Как Лидка участкового приведёт, мне уйти надо.

ЛИЯ. Как – уйти? Ты же только что! Только!

МИХАИЛ. Мне с ним в одном доме никак – опять что-нибудь не того. А по амнистии нельзя, у меня срок испытательный.

ЛИЯ. Так ведь это не он! Того уже давно ушли.

МИХАИЛ. Куда ушли?

ЛИЯ. После суда сразу в райцентр отправили. На повышение. Жильё, говорят, дали служебное.

МИХАИЛ. Так значит. Ну что ж, пусть так.

ЛИЯ. Что – пусть? Что – пусть?! Он тебе всю жизнь испоганил, за решётку тебя, а ты пусть? Вот человек!

МИХАИЛ. Ну, я же вышел.

ЛИЯ. А мог бы и не сидеть! Подумаешь, в морду дал! Его бы, сучонка, вообще прибить следовало! Ведь он же тебя же..

МИХАИЛ. Чего теперь-то уж.

ЛИЯ. Тебе хорошо говорить, а ты бы видел, как мать пила. Не переставая пила. Как тебя забрали, так и начала. По капельке, по рюмочке, так вот и всё. Теперь лежит вон, в сарае.

МИХАИЛ. Внуков бы нянчила. Понарожали тут обе. Из дома отлучиться нельзя, чтоб никто не родил.

ЛИЯ. А чего тут больше делать-то? Ты скажи – чего делать?

МИХАИЛ. Раньше от мужиков рожали, а теперь от нечего делать?

ЛИЯ. А твоё какое дело? Тебе-то что? Тебе их не кормить!

МИХАИЛ. А кому – кормить?

ЛИЯ. Не твоя забота! Ты на себя, на себя посмотри! Сидит тут, шьёт! Делом бы занялся, надо трактор искать, дорогу на кладбище чистить, а он – шьёт! Как баба какая!

МИХАИЛ. По привычке.

ЛИЯ. А ты свои лагерные привычки в дом не таскай! Тоже мне, выискался! Свалился, как чёрт на голову! То не было, не было, а тут – на тебе, сидит тут!

МИХАИЛ. Я своё отсидел.

ЛИЯ. А вот это ещё большой вопрос – отсидел или нет!

МИХАИЛ. Лия...

ЛИЯ. Чего – «Лия»? Ну чего, «Лия»?

МИХАИЛ. Дети спят, кончай орать.

ЛИЯ. Хочу и ору! Я у себя дома! Это мой дом! Мой, слышишь! Никому не отдам! Лидка в город собралась – и пусть, пусть едет, пусть катится на все четыре стороны! Батя к этой уйдёт, вот помяни моё слово! Похоронит и уйдёт! Не сможет без бабы! Не умеет без бабы! Не привык без бабы! А она? Ты что думаешь, она случайно припёрлась? Ошивается тут третий день, не выгонишь ничем. У неё сын приехал, а она домой носа не кажет, всё у нас и сидит. Ведь не просто так! Она же за мужиком пришла. А что? Батя теперь вдовец, топор в руках ещё держит, всё у него, как надо. А у неё избушка покосилась, подпол пропал, баня сгнила – всё чинить надо. А некому. Вот и торчит тут, клинья подбивает. Про картошку зубы заговаривает. А я её насквозь вижу, насквозь! Ну, и пусть она берёт его, пусть, только чтоб в дом чужой не лезла, ведь это мой дом! Мой!

МИХАИЛ. Наш. Это наш дом.

ЛИЯ. Наш, конечно, наш.

МИХАИЛ. Вот именно. Наш. Наш. Это наш дом.

Они повторяют это слово снова и снова. Шепчут его. Как молитву. Как заклинание. Как обещание. И швейная машинка, прокладывая торопливую строчку, вторит им: «Наш дом, наш дом, наш дом, наш дом». И колёса пассажирского поезда, что мчится мимо, в чужие, далёкие, незнакомые города, до которых тут нет никому никакого дела, как будто выстукивают: «Наш дом, наш дом, наш дом». Воеет ветер в трубе. Топится печь. И в песне ветра, и в треске поленьев в печи слышится «Наш-ш-ш дом, наш-

и-и дом». На печи спят Иван с Егоркой, ноги-руки переплелись, рты приоткрыты, лбы в испарине. Они тихонько сопят, и в их сонном, ровном дыхании тоже слышится «Наш дом, наш дом».

КАРТИНА 3.

Неровная строчка следов на снегу – видно, что человек, оставивший их, несколько раз оступался, проваливался – ведёт к старому сараю. Снег перед сараем плотно утоптан, дверь нараспашку. Внутри – темно. Только из оконца, что прямо над дверью, в сарай падает скупой мартовский свет. Можно разглядеть ряды дров, сложенных под самый потолок, да какой-то нехитрый инструмент – черенки лопат, мётел, косы и грабли, висящие на стене. Набежит туча, закроет солнце, и вот уже не разглядеть ни Старика, сидящего на чурбане, ни гроб, возле которого примостился Старик, ни початую бутылку водки на полу.

СТАРИК. Тут, мать, такое дело... Вот, пришёл тебе рассказать. Ты только не волнуйся, оно ведь всё ничего. Радость ведь у нас. Радость. Досадно только, что ты не... и ведь совсем чуток, ну, да, ничего, ничего. Всё равно хорошо. Слышишь, чего я говорю? Радость у нас. Новости то бишь. Хорошие новости. Ты только не волнуйся, нельзя тебе. Ну, так чего это я вокруг да около. Ведь Михайло, сын твой, вернулся. Слышишь? Насовсем. В дом вернулся. Нынче ж вот пришёл. Под амнистию попал, говорит. Ну, нам какое дело? Так ли, эдак ли. Главное, что вернулся. Я чего пришёл-то... Ты бы, мать, подсказала, что ли. Я ведь вот что думаю. Мишка теперь дома, лопат хватает, нам бы огорода нынче вскопать не половину, а весь, целиком то бишь. До самого забора. А чего? Ртов хватает, есть чой-то надо. Мы бы с ним моментом управились. Работы-то на два дня, а коли шибко не телиться, так и на день. Пару загонов картошки добавим. Девки бы морквы насадили. Ну, и так, сколь чо. Как-нибудь осилим. Как думаешь, мать? Дело-то ведь оно какое. Знай себе – работай. А коли лишку нарастёт, так и продать можно, так ведь? А чего? Ну, если урожай будет, чего не продать? Прикупили бы чего. Ну, хоть игрушек пацанятам, что ли. Может, велик. Хотя бы один. Чего скажешь? А то вон Лидка уже грозилась в город уехать. За туфлями она собралась. Ты слышишь, нет? Что удумала, а? В город собралась. Ну, это она, конечно, в сердцах, с расстройству такое сказала. Какой ей, к псам собачьим, город? Какие туфли? Ты вон всю жизнь прожила и туфлей никаких сроду не видывала. И ничего ведь, жила как-то. Или худо жила? Чего скажешь? Ну, чего ты всё увёртываешься? Ты мне прямо скажи, ответь, чего ей там делать-то, в городе-то, когда дом здесь? И огород. И моркву садить. И дети. И Мишка вон вернулся. Ныне же вот и пришёл. Под амнистию попал. Ну, наше какое дело. Не наше это дело. Пришёл и ладно. И то хлеб. А то одни бабы в доме. Огород копать кто будет, когда мужиков нет? Те-то малы ещё, им пока рано. А Мишка ничего, крепкий. Выдюжит. Да и как ему крепким не быть? Помнишь, как он по морде этой ментовской врезал? Только искры из глаз полетели да башка по ступенькам созвякала. Хороший удар вышел. Основательный. А характер у Мишки всегда был. Помнишь, мать, как ещё малой был, всё за поезда цеплялся? Схватится за уступок, и катится. Километр, другой. А обратно пёхом идёт. Ревёт, а идёт. И ведь, сколько его ни порол, не мог отучить. Что тут скажешь – характер. За него и пострадал. За правду, можно сказать. Ну, ничего, ничего. Вернулся ведь. В итоге-то. А теперь ему вон сколько ртов кормить. Тех пара, да этих пара. Я-то много не съем, мне чего – репы да морквы пареной, помнишь, как ты в чугулке из печи доставала. Поставишь на стол, пар так и валит. Мне-то что, я как хряк, что поросе – то и мне стодится. Мне много не надо. Ты же знаешь. Много никогда не ел. Не жили хорошо, нечего и начинать. А то вон

некоторым город подавай, туфли. Но ты не думай, она не думавши сказала. Куда ей с дитём-то? Кому она там нужна, курва? Нарожала сперва, вот и сиди теперь дома. Нечего людей смешить. Ейный-то хахаль надясь приехал. Сидит у Егоровны, носу не кажет. На сына взглянуть не пришёл. Вот как живут люди, а? Ты, мать, вспомни, вспомни, как первого рожала? Людям прямо в глаза смотрела. Почему? Потому что я рядом был. И отчество дал. И фамилию. Мало ли что до этого было? То дело прошлое. Моё мнение такое: раз обрюхатил кого, тут уж – хотишь, не хотишь, а фамилию давай. Не то вон что получается. Срам один. Что, мать, разве не прав? Ну, чего ты молчишь? Я ей новости тут принёс, рассказываю всё. Говорил или нет – у нас ведь радость нынче какая. Михайло вернулся. Под амнистию попал. Ну, ничего, мы с ним теперь морквы-то насадим. Тут ведь какое дело – знай себе работай. Как думаешь, мать?

Старик всё говорит, говорит. Слов уже не разбрать. Их уносит ветер, заглушают пролетающие мимо – на запад и на восток – скорые, пассажирские, почтовые, товарные поезда. Вот уже и ранние мартовские сумерки. И не видно ни Старика, ни сарая. Только серый снег. Только лес и поля до самого горизонта.

КАРТИНА 4.

Если пройти от станции чуть дальше – увидишь ещё один дом. Эти два станционных дома, как братья-близнецы. И построены в один год. И живут вместе. И в землю уйдут один за другим.

В том, дальнем от железной дороги, доме живёт Егоровна. Но сейчас её дома нет. Ушла поминки стряпать к соседям. Да так там и застряла. А пока хозяйки нет, распорядается Лёнька, сын её. И печь топит, и обед готовит, и гостей принимает.

ЛИДКА (*одевается, прихорашивается, слезит с печи*). Лёнь, а ты зачем вообще приехал-то?

ЛЁНЬКА. Долг исполнить.

ЛИДКА (*смеётся*). Ну, будем считать, исполнил, и чего теперь?

ЛЁНЬКА. Я не в том смысле!

ЛИДКА. А в каком таком смысле? Никак, денег сыну привёз?

ЛЁНЬКА. Вот и попробуй после этого поговорить с бабой.

ЛИДКА. А после этого не говорить, а замуж звать надо.

ЛЁНЬКА. Угомонишься ты сегодня, нет?

ЛИДКА. Какие мы сурьёзные! Какие мы деловые!

ЛЁНЬКА. Лид, ну, кончай уже жилы тянуть, и без того на душе погано.

ЛИДКА. А у тебя-то чего погано? Вот у меня траур. У меня мать померла. А ты чего? Его тут накормили-обласкали. Приехал-уехал-забыл. И горя нет. Чего погано-то?

ЛЁНЬКА. Да что с тобой тут! А!..

ЛИДКА. А и действительно? С нами тут можно не церемониться! Ага! Мы тут все простые. Чего уж! Куда уж нам понять твою нежную душу!

ЛЁНЬКА. Лид, вот только не надо, а? Чего тебе всё-время обязательно под шкуру лезть надо?

ЛИДКА. А раньше тебе нравилось.

ЛЁНЬКА. Раньше, раньше... Раньше я дураком был.

ЛИДКА. А теперь умным стал? Так не бывает! Нет, бывает. В сказках про Иванушку-дурачка. Только ты не Иванушка, и мы не в сказке!

ЛЁНЬКА. Вот это ты верно подметила. Верно.

ЛИДКА. Чего-то я тебя сегодня совсем не догоняю. Ты какой-то странный стал. Там, в городе, наверное, радиация везде, от неё мозги киснут. А если и так! Всё равно. Слушай, я всё хотела спросить... Может, ты возьмёшь нас с собой? Нет, ты послушай! Я не претендую ни на что, мне бы просто отсюда, а? Хоть бы угол какой на первое время. Мне ничего, мне много не надо. Месяц-другой, а там бы я сама. Ты же знаешь, я живучая. Я смогу. Ты бы только нас отсюда... И мы бы, может... А почему нет? Почему кому-то лъзя, а кому-то нельзя?

ЛЁНЬКА. Лид, ну, общага же. Я ж тебе объяснял.

ЛИДКА. И что, что общага? Ты думаешь, мне здесь лучше? Ты думаешь, здесь сахар? Ты вообще про нас... про меня... думаешь? Про то...как... когда... мы...

ЛЁНЬКА. Ты сама, сама всё тогда решила. Я ведь и денег предлагал, и с тобой бы к врачу съездил. Отказалась. Ведь сама отказалась! А теперь по новой. Мне доучиваться надо. Два раза отчисляли. Да ты пойми!

ЛИДКА. Я? Я пойми? Да где уж нам, да куда уж нам?! Выискался! Гений среди удобрений! Я что, много прошу? Отвези в город, пристрой хотя бы на месяц, а там я сама, а про тебя забуду. Как тебя зовут даже забуду! Как ты лапал меня забуду, как в душу залез и плюнул забуду, как одна рожала забуду, как письма тебе писала забуду. Глаза твои сучьи забуду! Слова твои! Стихи твои! Книги твои! *(Ленька пытается её обнять, она уворачивается. Он хватает её за руки, прижимает к себе).* Губы твои! Ноги твои волосатые! Руки твои сволочные! Ночи мои бессонные. Я всё-всё забуду, только увези меня с собой, всего святого ради прошу - увези меня из проклятого этого дома, из дыры этой поганой.

ЛЁНЬКА. Заберу, заберу, заберу. Слышишь меня?! Заберу. Вот только диплом получу, сниму хату, и сразу за тобой.

ЛИДКА. Трепло! Какое же ты трепло!

ЛЁНЬКА. Да говорю же тебе!

ЛИДКА. Ты зачем вообще припёрся?! Ты на кой чёрт вернулся-то, а?!

ЛЁНЬКА. Так ведь выборы же. Надо же по прописке.

ЛИДКА. О-о-о! Вот это что-то новенькое! И давно ты политическим стал?

ЛЁНЬКА. Да кончай ты изгаляться! Нам по штуке рублей дают за галочку. И дорогу оплачивают иногородним. И с восстановлением помочь обещали.

ЛИДКА. Так ты ведь только говорил, что восстановился? Какое же ты трепло! А я, дура, слушаю! Ни на грош ломаный, слышишь, ни на грош ведь тебе веры нет! На выборы! На выборы он приехал! Козлина вонючая!

Лидка наскоро накидывает на себя одежду, прыгает в валенки. Убегает. Только дверь входная сбряцала.

КАРТИНА 5.

Дом Старика. За окном – ранние сумерки. Старик подшивает валенки. Михаил в комнате матери за швейной машинкой. Из-за занавески только остервенелый её стук доносится. Лидка сидит у печи. Рвет бересту с поленьев. Лия распускает старую кофту. Рукава от неё, свесившиеся почти до пола, держат мальчишки. Работает телевизор.

ИВАН. Я есть хочу.

ЛИДА. Кончай канючить!

ЛИЯ. Не ори на ребенка.

ЛИДА. Мой ребёнок! Что хочу, то и делаю!

ИВАН. Конфетку хочу.

ЛИДА. Только обедали!

ЛИЯ. С утра до ночи орёт. С утра до ночи. Ребёнок-то тебе чем виноват? С Егоровной разосралась. Постеснялась бы, покойница в доме.

ЛИДА. В доме? Да была бы она в доме - это полбеда! Я бы бед не знала, коли в доме! В сарае с крысами третий день лежит! Мать твоя родная лежит, а ты пальцем не ударишь?

ЛИЯ. Да каким пальцем? Чего ты мелешь? Ведь ты же сходила? Ведь он же обещался? Вот придет, бумаги выправит, и тогда.

ЛИДА. А если не придёт? Как он придёт, когда выборы? Ведь эти ему (показывает на портреты вождей) живых людей дороже! Он тебе вместо справки о смерти бюллетень избирательный выдаст!

ЛИЯ. Ну ты совсем, уж ты совсем... Чего лепишь, сама не понимаешь!

СТАРИК. Об чём судить? Вот моркву посадим.

ИВАН. Я есть хочу.

Тут совершенно по-свойски, без стука, в дом заваливаются Зотова, Ленка и Николай, участковый. Все трое уже изрядно выпимши.

ЗОТОВА. Здравствуйте, граждане избиратели!

В комнате матери затихает швейная машинка.

ЗОТОВА. Мы вам урну принесли.

ЛИЯ. Какую?

ЛЕНКА. Ик! Переносную!

ЗОТОВА. Николай! Предъяви!

НИКОЛАЙ. Так я её это... там оставил.

ЗОТОВА. Нельзя! Нельзя такие вещи из рук выпускать! Сколько раз инструктаж проводили? Глаз с неё не спускать! Сюда, сюда её неси!

Николай топчется на месте. Не знает, то ли идти за урной, то ли не идти.

НИКОЛАЙ. Всем оставаться на своих местах! Глаз с вас не спущу!

ЛЕНКА. Куда ты её? Сюды её! А! Всё самой, всё самой!

Выходит. Хлопает дверь. Следом - ещё один стук: это форточка в комнате матери стукнула.

НИКОЛАЙ. Какого рожна? Кто? Куда? Глаз не сведу!

Выбегает.

ЛИДА. Дурдом! Дурдом! А я вам что, что я вам говорила? А? Вот! Получите! Распишитесь! Приехали! Они нам урну принесли! Для праха, стало быть.

ЛИЯ. Но мы ведь не собирались, зачем нам урна? Не по-христиански урна. Нам гроб нужен. То есть он у нас есть уже. Нам справка нужна.

ЗОТОВА. Справки поздно уже, справки вместе с заявлениями и открепительными заранее, за три дня получают.

Лида начинает смеяться.

ЛИЯ. Так сегодня, сегодня третий-то день. Ведь пора уже.

ЗОТОВА. Давно пора! Давно пора, голубчики вы мои! Могли бы и не гонять нас в такую-то даль, могли бы и сами. Досрочно!

ЛИДА. Досрочно! Вы слышали, нам предлагают досрочно!

ЛИЯ. Так мы и без того все сроки пропустили, ведь третий день уже там!

ЗОТОВА. Там, здесь - коли пришли, теперь уже всё одно! Ведь не доехать до вас, не доползти!

ЛИДА. Доползти-то доползти, а вот выбраться отсюда нельзя! Выбраться нельзя! Слышишь, ты?! Нет?! Ни так, ни эдак! Отсюда никак не выбраться! Даже вперёд ногами отсюдова не выбраться!

ЗОТОВА. Вы угрожаете представителю УИКа! Я, как УИК, не потерплю!

СТАРИК. Моркву посадим.

ЗОТОВА. УИК заявляет протест!

ИВАН. Деда от икотки соду кушает. А я конфетку хочу.

ЗОТОВА. Кто это тут у нас конфетку хочет? А чтобы конфетку получить, голосовать надо! Нам важен голос каждого! Каждого! Каждого!

В дом вваливаются Лена и Николай. В руках - избирательная урна.

ЛЕНА. Электорат!

НИКОЛАЙ. На первый-второй рассчитайся!

ЗОТОВА. Каждого! А я говорю - каждого!

ЛЕНА. Ща всех оббюлетеним!

ЛИДА. Вы бы ещё про мать вспомнили!

НИКОЛАЙ. А тут ещё кто-то есть? Я же говорил, тут кто-то был! Я следы видел! Сам видел! Лично видел!

ЗОТОВА. Ты бы за урной, за урной следил!

ЛИЯ. Нет! Нет никого!

ЛИДА. Ну, разве что в сарайке кто. Только вот голоса она уже не подаст!

ЛЕНКА. А и пусь! Нам число надо! Чтоб явка.

НИКОЛАЙ. С повинной! Явка с повинной как смягчающее обстоятельство.

ЛИЯ. Да вы бы в наши обстоятельства-то вошли. Ведь третий день никак не похороним.

НИКОЛАЙ. Кого?

ЛИДА. Слышь, ты?! Ты если справку о смерти нам не выдашь, мы и тебя тут похороним! Сейчас Мишка вернется, тут тебя и зароет!

ЛИЯ. Не вернется. Он к нам уже не вернется. Лидка, да скажи ты им, что нет никого! Что не вернется!

ЗОТОВА. Нам нужен голос каждого! Явка для УИКа, а не УИК для явки.

НИКОЛАЙ. Да сколько же вас тут? Вас тут целый табун!

ЛЕНА. Всё самой! Всё самой! И горящего коня из дома. И в избу. Так! Погодите! Раз! Два! Три!

Тут мимо станции с грохотом проносится товарняк. Сперва тихо-тихо, едва слышно начинают дребезжать окна в доме, рюмки, вилки да ложки в пол-литровой банке, стекла в старых фоторамках. С каждой секундой звон этот всё громче и громче. Нарастает и грохот летящего мимо этой Богом забытой станции товарняка. И только слышно время от времени, как считает Лена: «Десять... одиннадцать... семнадцать... сорок пять... девяносто восемь... сто... сто один...». И на всё это молчаливо смотрят со стен портреты наших вождей. И того, что в кепке, и того, что с орденами, и лысого, и усатого, и горбатого. И Президента всяя Руси, чья фотография вырезана по случаю из журнала. И повешена аккурат между Богоматерью и Николаем Чудотворцем.

ДЕЙСТВИЕ 2

КАРТИНА 1.

Дом Егоровны. Кухня. Окна в инее. Горячая печь. Стол. Почти пустая уже бутылка самогонки — на столе. Два стакана. За столом Лёнька и Михаил. Слышно, как бродит где-то в комнатах Егоровна, бормочет что-то. Иногда зайдет на кухню, заберет пустую тарелку со стола или достанет ещё какой немудреной закуски — то грибов солёных, то капуста квашенной. Снова прошаркает к себе. И так — без конца.

ЕГОРОВНА (*сама с собой*). И ведь какая стервь, какая стервь выросла... Знала бы мать... Не девка — дрянь! Видела бы мать... Ни отца старого не пожалела, ни детей малых. Ещё мать не похоронила... Такой скандалище закатила. А ведь, соплячка, на моих глазах росла... Да я ей в матери гожусь!.. Кузькина же мать... Вот на этих руках росла!.. Под стол ходила... Соплячка какая... Сама ведь уже мать... Знала бы мать... Видела бы мать... Ещё мать не похоронила...

ЛЁНЬКА. Ну чего ты бубнишь? Чего бубнишь?! Угомонись уже!

МИХАИЛ. Ты матери не перечь. И не попрекай никогда. Мамка — это наше всё. Для любого, для каждого вот из нас. Тебя бы вот на годик-другой туда, быстро бы уму разуму научили.

ЛЁНЬКА. И без того учёный.

МИХАИЛ. Учёный-то учёный, а ни черта-то не знаешь. Чего матери рот затыкаешь? Ну, ходит, ну, ворчит. Моя вот уже не того, ни этого. И как после этого? Ты про это подумай — как будешь, когда не станет? А! Про это мы никто не думаем. Вот ты думаешь, я, когда домой шёл, думал? Нет. Подарков привёз. Зайду, думаю, в избу, обниму. Не обнял. Не пришлось уже мать-то обнять. Так и ты. Сперва подумай, а потом лепи языком своим.

ЛЁНЬКА. Наливай лучше, чем морали мне читать. Без тебя учителей хватает.

МИХАИЛ. Хватает ему! Век живи, век учись! А на веку своём если отсидишь хоть чуток, много лучше про жизнь-то всего узнаешь. Вот ты чего там, в городе, про жизнь узнал? Хрен ты там, а не жизнь узнал! А я там, пока срок мотал, о-о-го, понимаешь ты? О-го-го! Это вам не там! Там обо всём свои понятия. И об мамке тоже. Об любом предмете. Вот взять тебя. Что ты есть? Книжки там. Всё прочее. Уехал. Приехал. Город. Это, конечно, можно понять. Частями. Стремления такие. Но вот ты про другое подумай. Про дом. Про мать. Про Лидку тоже подумай.

ЛЁНЬКА. Это она? Она тебя сюда? Так ведь и знал! Так ведь и знал!

МИХАИЛ. Да ты чего?! Чего кипишь поднимаешь?! Говорю же — мент пришёл в родную хату, я — в окно. Куда бежать? Некуда. Сюда вот. Чего на девку зря?

ЛЁНЬКА. Ты ей, конечно, брат. Я это тоже понимаю. Не деревянный. Но и ты, как мужик, меня понять должен. Ведь я же денег давал. Я же с ней к врачу хотел съездить.

Нет, мы сами всё решили, мы никогда никого не спрашиваем. Умные все, а потом на шею. «Милый дедушка, Константин Макарыч, забери меня отсюда».

МИХАИЛ. Но! Полегче, полегче! Про сестру ведь говоришь. «На шею»! Думать сперва надо было, а не по сеновалам обжиматься.

ЛЁНЬКА. Так она тебе и про сеновал рассказала? Я ж говорю, она подговорила! Заслала парламентария.

МИХАИЛ. Да етить же твою налево! Какого рожна она-то? Говорю же – мент в дверь, я в окно. А про сеновал – это, знаешь, не мудрено, догадаться. Все мы с сеновала этого вышли. И я. И ты. И наши все. А у нас больше где? Негде. Весь досуг свой там. Ну, или под ёлкой разве что. Только Лидка бы не пошла. Лидка гордая под ёлку.

ЛЁНЬКА. «Не пошла»! Не пошла, а побежала!

МИХАИЛ. Ты чего, чего городишь? Полегче на поворотах! Вот люди! Никакого ни об чём понятия не имеют. А ещё в городе, а ещё студент. Как в ум пришло при брате про сестру родную такое трепать?! Ну, положим, и побежала. Девка горячая. Так ведь можно ли всё, что ни попадя, людям-то разговаривать? Тебя бы вот на годик-другой туда, там бы быстро по понятиям разложили. Жизнь бы узнал. А не так, чтобы сунул-вынул-уехал. Женись, говорят тебе! Сегодня же женись! И будет тебе счастье! Наливай!

ЛЁНЬКА. А и налью!

МИХАИЛ. А и женись!

ЛЁНЬКА. Так я женат.

МИХАИЛ. Женат-то женат, а ты по правде, по-настоящему женись!

ЛЁНЬКА. Так уже!

МИХАИЛ. Как уже?

ЛЁНЬКА. А вот так уже!

МИХАИЛ. А почему не сказали?

ЛЁНЬКА. А должны были? Должны? Нет! Мы люди свободные в свободной стране, захотели – расписались. Захотели – сказали. Захотели – не сказали. Свобода слова у нас, или ты не слыхал?

МИХАИЛ. А ты про гласность слыхал? Объявить должны были! Чтобы все! Чтобы гордиться! Чтобы за здоровье молодых! За Лидку, сеструху мою!

ЛЁНЬКА. А Лидка тут при чём?

МИХАИЛ. Как это – причём?

ЛЁНЬКА. А вот так! Кто ж сказал, что на Лидке-то? А? Я такого не говорил. Может, кто другой сказал? Так ты у меня, у меня бы и спрашивал.

МИХАИЛ. Паспорт где? Паспорт, я сказал!

Вскакивают.

ЛЁНЬКА. А вот хрен тебе, а не паспорт!

МИХАИЛ. Егоровна! Егоровна!

ЛЁНЬКА. Мамка, паспорт прячь!

ЕГОРОВНА. Распетушились! Распетушились! Паспорт ему! На что тебе чужой-то паспорт?

МИХАИЛ. Да ведь я... да ведь я тебя... Да ведь урою, как сурка!

ЛЁНЬКА. Сам ты сурок! Ты и сурков-то не видал! Ни полсурка не видал!

МИХАИЛ. Умник какой! Студент, значит?! Я ща тебя выучу, так выучу, мать родная не узнает! Женился он! Я тебе женилку-то оторву!

ЛЁНЬКА. Рискни здоровьем!

ЕГОРОВНА. О какой! Эх тебя! Ишь выискался! Лёнька, за участковым беги! Зови мусоров! Пусть вяжут гада!

МИХАИЛ. Паспорт, я сказал!

ЕГОРОВНА. Караул! Грабят!

В дом, совершенно по-свойски, без стука, вваливается Николай.

НИКОЛАЙ (улыбается). Всем оставаться на своих местах!

МИХАИЛ. Обложили, гады!

Михаил бьёт Николая по лицу. Тот падает. Михаил выскакивает на улицу.

ЕГОРОВНА (наклоняется над участковым). Ты чего припёрся-то?

НИКОЛАЙ. А меня как представителя УИКа послали. У нас самогонка кончилась. А голосов ещё не сосчитали.

КАРТИНА 2.

Дом Старика. Посреди той комнаты, где на комодѣ уже который день стоит фотография в траурной рамке и рядом, как водится, гранѣный стакан с водкой и куском чѣрного хлеба, сидят Старик, Иван и Егорка. Портреты вождей сняты со стен, разложены на полу. Мальчишки с усердием рисуют что-то своё прямо на лицах вождей. Палочки-чѣрточка, кружочки-треугольнички. И обрастают вожди усами, рогами, кривыми ухмылками.

ИВАН. Это дядя?

СТАРИК. Дядя, дядя.

ЕГОР. Деда?

СТАРИК. Здесь деда, здесь.

ИВАН. А где мама?

СТАРИК. Придѣт твоя мама, никуда не денется. Да и куда ей деться, из дому-то? Здесь где-нибудь бродит. Могѣт, мать пошла навестить. Плохо ей там одной. Худо. Холодно. Я-то уж был у неё, навещал. Так-то я, а то дочь. Ребенок. Ребѣнки-то они же свои, без них как, без ребѣнков-то? Никак нельзя. Только можно ли вот так-то дитѣв оставлять? Нет и нет никого, нет и нет. Разорались. Разбежались. Ночь ужо, а вы всё не спите. Вот вы чего не спите? У деда толку-то нет вас уложить. А ведь спать пора. Ну, рисуйте, рисуйте пока. Поди, и придѣт мать-то. Поди, и придѣт. А как ей не прийти? Куды ей деться-то? Никуды не денется. Дом ведь, дом ведь родной. Этот дом ещё немцы пленные строили, фрицы то есть. Как есть, немцы. Согнали их сюда. Вот и строили. А чего им оставалось? Их усатый этот дядя согнал. Вот этот вот. Он им жару-то задал. Мало им не показалось. Сперва-то, конечно, всё не по его вышло. Тяжко пришлось. Худо. Бах-швах-трах. Огонь там всякий. Танки там. Прочее всё. Всыпали нам тогда по первое число. Даже вон этого дядю, в кепке который, из своего-то лежбища вынули, куда его как будто схоронили, только не совсем чтобы схоронили, а просто лежать положили, чтобы смотрели все, так его даже в Сибирь повезли. В вагоне специальном. Чтобы не покусились фрицы на святое, не испоганили. Погрузили в вагон да с охраной погнали. По ночам везли. Мимо вот этой самой станции везли. Бабка-то девчонкой тады была, бегала смотреть. Не помнит уж, а рассказывала. Солдатики, говорит, через каждые сто метров стоят. Прямо вот вдоль путей. А чего стоят, ничего не ясно. Ну, местные-то поглазеть

пошли, чего такое, а им – не велено здесь, домой идите, в дома возвращайтесь, нечего тут. А ведь всем интересно, что и как, откедова столько солдатиков-то нагнали, стоят ведь километр за километром, прям часто-часто. Ну, курят, конечно. И огоньки-то сигаретные так и растянулись вдаль, один за другим, огоньки-то. Вот и стоят. День стоят, ночь стоят. Ждут чего-то. Нашим уже, конечно, никакого антересу не осталось. А чего? Ну, стоят. Так ведь ничего. День прошёл. Два. И одна ночь. И другая. А потом шепоток пошёл по огонькам: везут, говорят. Едет, говорят. А смотреть не велено. Ну, кто хотел, увидал, конечно. А что увидал? Ну, поезд в темноте. Ну, светит сперва. Но не гудит. Нельзя гудеть-то, а то фрицы заметят. Тихо так едет. Медленно. Ну, вагоны там с пушками. Охрана всякая. А больше не разглядеть ничего. Прокрался через станцию. И ушел. Ыщез можно сказать. Солдатиков-то потом спрашивали, а правда, его везли? Ну, который в кепке на бронепоезде ещё? Солдатику-то вроде и говорить не положено, так ведь хочется похвастать, мол, и я, простой рядовой, знаю, что да как. И сказал он: да как не правда? Вестимо, правда. Известно, кого везли. Только вот далеко ли – не говорят. В секретный бункер. Это вот известно. А где он и далеко ли, не знает никто. А как фрицев погоним, так и его вернут, туда, в столицу то есть. Обратнo положат, чтобы все смотрели, кто хочет, как это так – на том и этом свете одновременно быть. Ведь вот вы думаете, похоронили его, так ведь нет. Так разве хоронют? Нет. Получается, что он есть сразу на том и этом свете. Туда-то душа ушла. А сам он тутова остался. Лежит. Лицо белое. Говорят так. Я-то сам, конечно, не видал. Куды я поеду в экую даль на что ни попадя-то смотреть, мне вон огород копать надо, моркву садить. Лук загнил весь, перебирать надо. И моркву посадить. И репу. Бабка-то репы пареной раньше приготовит, так хорошо. Из печи достанет. Пар от котла валит. Я ведь что, я ничего. Мне много не надо. Что положат, то и съем. Хоть репы, хоть морквы. Бабка-то раньше бывало, накроет на стол, сядут все ребятешки, соберутся то есть, за столом-то, ну, хлебушек, квасец, а бабка хлопочет всё, собирает на стол-то.

Старик всё бормочет и бормочет. Иван с Егоркой спят давно, прямо здесь, посреди комнаты и уснули. Спят среди портретов прежних вождей. Тех вождей, что с усами, копытами, рогами, кривыми ухмылками. Среди карандашей. Среди всей этой тишины. Спят и тихо-тихо дышат во сне. Лбы покрылись испариной. Рты приоткрыты. И не разбудит их даже проходящий мимо станции поезд. Который несется мимо, не останавливаясь. Куда-то далеко-далеко.

КАРТИНА 3.

Сарай. Кромешная тьма. В темноте этой не видно ни гроба, что стоит тут с самой пятницы, ни Ли, сидящей на чурбане возле гроба. Ничего не разглядишь. Только слышно, как воеет мартовский ветер, как шуришит время от времени крыса в углу, как Лия что-то тихо-тихо говорит матери.

ЛИЯ. Я ведь очень-очень перед ней виновата, мама. Так виновата, что и сказать не могу. Как о таком расскажешь? Язык не повернётся. А как посмотрю на неё, так и думаю: это из-за меня... это же я... из-за меня. Она в город собралась, слышишь, мама? Уеду, говорит. И туфли себе куплю. А куда уедет? К кому уедет? Ведь она к нему собирается. А он разве пустит её? Он ведь по-настоящему никогда ей не нужен был. Ей просто отсюда хотелось, хоть куда-нибудь, любой ценой. Вот и вышло так. А всё-равно не по её получилось. Он тогда как приехал, как узнал, что рожать будет, сам не свой стал. Он мне тогда много говорил. О себе. О жизни. О Лидке. О городе. Говорил, что общага, что не может он. Учиться ему надо. Ведь сказать страшно – институт путей сообщения. Это же

поступить надо было. Там ведь конкурс, балл проходной. Профессора всякие. Тяжело ему. А ей лишь бы в город. Вот и решила: залечу, а там будь что будет. Он же мне тогда всю душу выложил. Всё-всё рассказал. А мне так жалко его стало. Он такой умный, Лёнька мой. И ведь отчислили его не за что, понимаешь? За принципы его отчислили. Не за оценки. Он и сессию сдал. Но там, же все – по головам, по головам. Лишь бы утопить другого, запросто так, потому что не такой, как все, слышишь, мама?! Он хороший, он добрый, он говорит красиво. И руки у него горячие. И глаза особенные. Я его за глаза, мама, и полюбила. Знаешь, какие у него глаза?! Я его взгляд со спины всегда чувствую. Вот он смотрит на меня, а я всей-всей спиной знаю – смотрит. И у меня в голове так всё кружится, всё плывёт. И вот здесь, вот здесь ноет. Сладко так становится, и страшно. Ведь нельзя так любить, мама! Я же с детства, всегда, всю жизнь его любила. Я за неделю знала, когда уедет, когда приедет. Я его за километры чувствую. Вот посмотрю в зеркало и понимаю: придёт сегодня. Разве так бывает? Разве так может? А когда он за руку меня первый раз взял, просто за пальчик, тихо так, я думала – умру. Прямо вот сейчас и умру. Так в голове темно стало. Еле на ногах удержалась. Ведь я виновата, мама, виновата перед ней. И как она не видит, что и мой сын – его? Разве по глазам, по рукам, по губам его не видно? А она не видит, не видит, мама! Потому что не любит, а я люблю. Мне что один, что другой – оба его сына. Оба – мои. Не её, мама! Не её! И он – мой! Весь-весь мой. Всегда мой. Навечно мой. Где бы ни был, с кем бы ни был. Он, может, Богом мне дан, мама? Ты понимаешь, мама? Ты слышишь, мама?! Ты простишь меня, мама? Зачем ты ушла, мама?

КАРТИНА 4.

Утро. За окнами светает. На кухне Лия хлопочет. Старик сидит на табурете возле окна, подшивает валенки. В комнате матери мерно стучит швейная машинка. Иван и Егорка смотрят телевизор. С улицы пришла Лидка – дров принесла, с грохотом скинула возле печи. Не раздеваясь, села на скамью.

ЛИДКА. Чёрт! Чёрт! Надо уже что-то делать!

ТЕЛЕВИЗОР. Как сообщает ЦИК, во всех регионах выборы прошли без значительных происшествий. Наблюдатели отмечают высокий уровень проведения и организации...

ЛИДКА. Дороги нет, могила не копана!

ТЕЛЕВИЗОР. На данный момент завершается подсчёт голосов. Предварительные итоги будут озвучены...

ЛИДКА. Есть в этом доме хоть кто-то, кто меня слышит?! Да что же вы всё такое? Сколько можно уже?

СТАРИК. Ух-тюх-тюх-тюх, разгорелся наш уют...

ЛИЯ. Лёньку с утра к Николаю отправили, сейчас только ждать.

ЛИДКА. Да сколько ждать-то можно? Сколько можно над людьми издеваться?

ТЕЛЕВИЗОР. Явка составила...

ЛИЯ. Ну, всё, всё уже. Скоро уже. Что уж теперь-то?

СТАРИК. Скоро моркву посадим.

ЛИДКА. Мать там лежит, там лежит, а справки нет, разрешения нет, дороги нет!

ТЕЛЕВИЗОР. По многочисленным просьбам телезрителей мы начинаем трансляцию балета «Лебединое озеро».

ЛИДКА. Ведь в каком веке живём, в пещерном веке живём!

ЛИЯ. Не ори, детей разбудишь.

СТАРИК. Огород копать скоро.

ЛИДКА. Я уеду! Уеду! Не могу тут, не могу так!

ЛИЯ. Куда уедешь? Ну, куда ты теперь уедешь? Мишка вернулся, Лёня вернулся.

ЛИДКА. Куда он вернулся? Куда?! Ему просто денег обещали! Его только бабки интересуют! Ему на всех наплевать! Ему на всех нас плевать! С высокой самой колокольни наплевать, слышишь, ты?! Ты вообще ни черта не понимаешь! Ни черта ты не понимаешь!

По телевизору звучит заставка программы «Время». В комнате матери всё злее стучит швейная машинка.

ЛИЯ. Ну что ты говоришь! Что ты такое говоришь?! И вовсе ему не наплевать. И ты никуда не уедешь. Никто никуда уже не уедет. Куда мы уедем? Зачем уедем? Никто никогда никуда не уедет. Никто никогда никуда не уезжает. Что за глупости ты придумала, ну, что за глупости? Глупости всё, ерунда всё, мелочи всё, всё будет хорошо, ты успокойся, успокойся, Лид!

ЛИДКА. Она меня ещё успокаивает! Нет! Вы слышите?! Она меня успокаивает! Да кто ты такая? Кто ты тут такая? Мать ещё там лежит, а она уже хозяйкой в доме. Хозяйкой в доме!

ЛИЯ. Это наш дом, это наш дом. Ты слышишь, это ведь наш дом.

ЛИДКА. Конечно, наш.

ЛИЯ. Наш, это наш дом.

ЛИДКА. Конечно, наш.

СТАРИК. Моркву посадим.

С печи слезит сонный Иван.

ИВАН. Конфетку хочу.

Лия и Лидка начинают плакать. Они обе плачут и смеются. И обнимают Ивана. И утирают слёзы. В комнате матери затихла швейная машинка. Плачет Старик. И только Иван ничего не может понять. Смотрит на взрослых. И не знает, плакать ему или смеяться. По телевизору звучит заставка «В мире животных».

ЛЁНЬКА (заходит в дом). Справку выдали. Слышите?! Справку, наконец, выдали. Хоронять можно.

Пауза. Все смотрят на Лёньку. Старик, Лидка, Лия, Иван.

Из комнаты матери вышел Михаил. Все молчат.

Молчат и портреты вождей на стенах. И тот, что в кепке, и тот, что с усами, и тот, что с орденами на груди. Молчит и портрет Президента, вырезанный по случаю из газеты и наклеенный на кусок картона.

ЛИЯ (крестится на иконы Богоматери и Николая Чудотворца, что висят между вождями). Слава Богу! Слава Богу!

ТЕЛЕВИЗОР. Мы начинаем прямую трансляцию с заседания совета народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик.

КАРТИНА 5.

Маленькая, Богом забытая железнодорожная станция, у которой и названия-то нет, лишь номер – 832-й километр. Медленно-медленно, понемногу набирая ход, от станции отправляется грузовой состав. В открытом товарном вагоне сидят Старик с семьей, Лёня с Егоровной, бригада железнодорожников с инструментом. Здесь же, прямо на полу вагона, стоит гроб. Всё громче стучат колёса, всё быстрее едет поезд. Мартовский ветер относит в сторону голоса: «Медленно минуты уплывают в даль, встречи с ними ты уже не жди. И хотя нам прошлого немного жаль, лучшее, конечно, впереди. Скатертью, скатертью дальний путь стелется...».

Темнота. Занавес. Конец.

Киров, 2014 г.